

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО УЧЕБНО-НАУЧНОГО ТЕКСТА

Научная речь как самостоятельное образование в составе русского литературного языка, по мнению О.А. Лаптевой, формировалась в первой половине XVIII в. До 20-х гг. XX в. общая система употребляемых в ней способов языкового выражения оставалась общелитературной и подвергалась воздействию авторской личности. Затем «произошла смена стилистических регистров – от общелитературного, нейтрального с допуском интимизации изложения к книжно-письменному обезличенному, объективированному [1, с. 160]. М.Н. Кожина называет такие специфические черты научного стиля, как отвлеченно-обобщенность и подчеркнутая логичность изложения [2, с. 165].

Однако в последнее время появился ряд учебно-научных текстов, разрушающих данную традицию. Академик В.Г. Костомаров считает, что этой прозе принадлежит будущее. Вот как он характеризует особенности новых научных текстов: «Органичное сочетание исследовательской глубины и новизны, тематической злободневности, идейной пристрастности, энциклопедичности в ярких жизненных примерах, не назойливой, но решительной поучительности, в какой-то мере игрового момента, ярко выраженной авторской индивидуальности...». Образцом такого учебно-научного текста В.Г. Костомаров называет учебное пособие профессора С.Г. Тер-Минасовой «Война и мир языков и культур» [3, последняя стр. обложки].

Сама профессор сознательно разрушает сложившиеся стереотипы, следуя научному стилю западных ученых. Разницу между научным стилем западных и русских ученых она видит в манере изложения («от первого лица» и строгая, отстраненная) [3, с. 119]. Рассмотрим текст работы С.Г. Тер-Минасовой, что позволит нам выявить наиболее яркие особенности новых учебно-научных текстов.

То, что допускалось в научно-популярной литературе и сближало ее с публицистикой, – активное использование прецедентных текстов – можно наблюдать в учебно-научном тексте работы. Заголовок пособия *«Война и мир языков и культур»* ассоциируется с названием романа Л.Н. Толстого, а также книги М. Макиноэна *«Война и мир в глобальной деревне»*. С наименованием последней соотносится также заголовок главы 9: *«Глобальный язык и в глобальной Деревне: глобальные проблемы»*. Кстати, прием повтора (в данном случае слова *глобальный*) также характерен для публицистического текста.

Из девяти глав книги пять названы с использованием прецедентных текстов. Прецедентные тексты при этом либо трансформируются, либо включаются в более широкий контекст:

1) цитаты: из Ф. Тютчева (*Другому как понять тебя? Разница культур*); из Государственного Гимна Советского Союза (*Союз нерушимый языков и культур*, ср.: *Союз нерушимый республик свободных...*);

2) название газеты (*Язык на страже Родины и родного народа*, ср.: *«На страже Родины»*);

3) пословица (*В чужой монастырь со своим уставом*, ср.: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*).

Академическое звучание названия первой, теоретической, главы ослаблено включением в контекст слова с разговорной окраской: *Немного теории. Основные термины, понятия, принципы*.

В тексте учебного пособия также встречаются

1) пословицы (*На вкус и цвет товарища нет* [3, с. 53]),

2) крылатые слова (*Язык и царь, и раб, и инженер человеческих душ*) (Г.Р.Державин, М.Горький) [3, с. 21]); *«Шекспиленку стерлядь золотую», «суп из кастрюльки»* – прямо из домашней кухни (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь) [3, с. 95]); *ум с сердцем не в ладу* (Н.Гончаров) [3, с. 6]);

3) советские клише (*«борьба за мир»* [3, с. 8]).

4) анекдоты [3, с. 5, 28] и шутка [3, с. 125]).

Прецедентные тексты часто соединяются в одном контексте и сочетаются с другими средствами выразительности, свойственными публицистике: *«Кто же мы – мужественные и самоотверженные борцы за мир и дружбу между народами или пятая колонна в своей стране, проводники чужих*

идей и ценностей? [3, с. 28]. В однородный ряд включено советское клише и цитата, предложение представляет собой вопросительную конструкцию с уточнением.

Автор широко использует синонимические ряды: *Барьеры, барьеры... Заборы, крепости, препятствия, трудности* [3, с. 5], *Западни, ловушки, но и оборонительные приемы* [3, с. 13]. Смысл, выраженный именительным темой затем раскрывается, конкретизируется синонимами. С помощью синонимов выражается и усиливается оценка, создаются градационные ряды, причем оценка эмоциональная, а не логическая: *Это не просто хорошо, это прекрасно, замечательно, потрясающе* [3, с. 7], *Это не просто плохо – это очень плохо, ужасно, трагично* [3, с. 7].

Развернутые метафоры представлены на с. 122, 133, 139. Причем часто даются метафорические определения понятий. Ср.: *Статистические коннотации – западни и ловушки, но они также и оборонительные приемы языка в его войне с «захватчиками» – с иностранцами, пытающимися вторгнуться в его пределы* [3, с. 131].

Самой работе и шести ее главам предпосланы эпиграфы, часто их два. Авторы от философов, до литературных классиков, публицистов, политиков и, наконец, самой С.Г. Тер-Минасовой.

Учебное пособие насыщено объемными цитатами из различных источников. Тексты цитируются целыми страницами (см.: [3, с. 36–37, 53–56, 112–116, 140–141 и др.]). Статья К. Буренина «Игра на чужом поле» приводится целиком [3, с. 211–215].

Автор работы опирается на примеры из:

1) сказок [3, с. 5, 111],

2) былин [3, с. 110],

3) художественных произведений [3, с. 50, 105, 109, 11, 124, 139], при этом упоминаются такие литературные герои, как Робинзон Крузо, Чебурашка.

4) жизни студентов [3, с. 67–78],

5) личного опыта автора [3, с. 95, с. 102].

Ярко выражено авторское «я»:

1) с помощью личного и притяжательного местоимений: *Мой любимый пример* [3, с. 252], где слово *любимый* выражает эмоциональное отношение автора к примеру.

Я даже поиграла с мыслью..., но отвергла эту идею без колебаний [3, с. 24], где глагол *поиграла* имеет ярко выраженную разговорную окраску.

2) с помощью существительного «автор»: *Угадайте, к какой категории женщин – худых или толстых – относится автор?* [3, с. 52], где автор упоминается в третьем лице, разговорный регистр фразы подчеркнут

вопросительной формой синтаксической конструкции и глаголом *угадайте* в форме повелительного наклонения, адресованном читателю.

3) с помощью глагола в форме 1-го лица в определенно-личных конструкциях: *В свое оправдание скажу* [3, с. 97].

Также активно используется «мы», объединяющее автора и читателя, выраженное личным либо притяжательным местоимением: *Во-первых, мы все очень разные, мы видим, слышим, любим и ненавидим по-разному, у нас разные представления о мире и людях, разные системы ценностей, разные нормы поведения, то есть разные культуры* [3, с. 49].

Текст пособия насыщен вставными конструкциями, выражающими авторские

1) эмоции:

а) междометие: *-увы!* – [3, с. 14, 19, 92];

б) восклицательное предложение с междометием: *(о, это русское гостеприимство!)* [3, с. 95];

2) оценки:

а) слово категории состояния с усилительной частицей: *– еще лучше* – [3, с. 83];

б) наречие меры и степени: *– особенно!* – [3, с. 99];

в) восклицательное предложение с частицей: *(какая чудная внутренняя форма!)* [3, с. 84];

3) комментарии:

а) восклицательный знак: *(!)* [3, с. 83];

б) вводное выражение, оформленное как вставная конструкция: *(мягко выражаясь)* [3, с. 85];

в) предложение – полное или неполное: *(с трудом удерживаюсь от кавычек)* [3, с. 91]; *(да-да, это не отиска...)* [3, с. 136]; *(увы! – покойный)* [3, с. 88]; *(хотя бы грамотного!)* [3, с. 89]; *(а может быть – поэтам?)* [3, с. 103].

Рассмотренные особенности учебно-научного текста позволяют сделать вывод о том, что в настоящее время происходит существенная перестройка научного стиля. Можно предположить, что русский научный стиль вернется к традициям, заложенным в XVIII–XIX вв.

Наряду с информативной большое значение приобретает в новом научном стиле функция воздействия, отсюда и ряд публицистических приемов, которые наблюдаются в учебно-научном тексте. В связи с этим изменяется модальность текста: также как в современном публицистическом [4], в научном тексте появляется «образ автора», что приводит к использованию ряда средств, выражающих модальные категории персуазивности (мотивировки-примеры, рассмотрены выше), качественной оценки (краткие качественные прилагательные), экспрессивности (ряд средств – от развернутой метафоры

до использования синтаксических конструкций), эмоциональности (междометия, восклицательные частицы, восклицательные конструкции).

Л и т е р а т у р а

1. *Лаптева, О.А.* Теория современного русского литературного языка / О.А. Лаптева. – Москва: Высшая школа, 2003. – 351 с.

2. *Кожина, М.И.* Стилистика русского языка / М.И. Кожина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Просвещение, 1983. – 223 с.

3. *Тер-Минасова, С.Г.* Война и мир языков им культур: вопросы теории и практики: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – Москва: АСТ; Астрель; Хранитель, 2007. – 286 с.

4. *Сычова, Е.К.* Категория модальности в нестрогих газетных жанрах / Е.К. Сычова // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: мат-лы III Международ. науч. конф., г. Мозырь. 12–13 мая 2005 г.: в 2 ч. / ред. С.Б. Кураш, О.И. Ревуцкий, В.Ф. Русецкий. – Мозырь: УО МГПУ, 2005. – Ч. 1. – С. 23–25.